

УДК 325.14(481)(470.1/.2)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.119

Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России: сравнительный анализ *

© ПАНИКАР Марина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: m.panikar@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© СОКОЛОВА Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор

E-mail: f.sokolova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© ШАПАРОВ Александр Евгеньевич, доктор политических наук, профессор

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© ЗОЛОТАРЕВ Олег Васильевич, доктор исторических наук, профессор

E-mail: kimoopd@syktsu.ru

Сыктывкарский государственный университет имени П. Сорокина, Сыктывкар, Россия

© КАПИЦЫН Владимир Михайлович, доктор политических наук, профессор

E-mail: kapizin@yandex.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Важным компонентом в структуре иммиграционной политики развитых стран выступает интеграция мигрантов. Политика интеграции мигрантов направлена на решение проблем адаптации, инкультурации, трудовой мобильности, натурализации, политического участия. Интеграция представляет собой реципрокный процесс, который предполагает взаимодействие мигрантов и принимающего общества. Политика интеграции направлена на формирование у мигрантов качеств и компетенций, позволяющих им участвовать в экономической, социальной, политической и духовной сферах общества страны-реципиента. Провалы политики интеграции неизбежно повышают конфликтный потенциал принимающего общества, ведут к социальной эксклюзии, маргинализации мигрантов и росту ксенофобии. Статья посвящена сравнительному анализу политики интеграции двух северных стран — Норвегии и России. Норвегия имеет большой опыт реализации политики интеграции мигрантов, занимает лидирующие позиции в индексе интеграции мигрантов MIPEX. Россия, хотя и обладает большим опытом инкорпорации различных этносов в состав национального государства, однако решение проблем интеграции и адаптации мигрантов долгое время игнорировались государством. Цель исследования: проанализировать национальные модели и практики интеграции и адаптации мигрантов. Методология исследования основана на использовании методов демографии, социологии, политологии, права, миграционной статистики. Для сравнительного анализа иммиграционных политик Норвегии и России использован комплекс индикаторов, отражающих качество и состояние политики интеграции мигрантов, MIPEX (рынок труда, воссоединение семей, долгосрочное пребывание, политическое участие, защита от дискриминации, натурализация). Сделан вывод, что политика интеграции мигрантов в России должна иметь различные объекты регулирования, быть дифференцирована по целям и задачам.

Ключевые слова: иммиграционная политика, интеграция мигрантов, натурализация, Россия, Норвегия.

* Для цитирования:

Паникар М.М., Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е., Золотарев О.В., Капицын В.М. Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России: сравнительный анализ // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 119–143. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.119

For citation:

Panikar M.M., Sokolova F.Kh., Shaparov A.E., Zolotarev O.V., Kapitsyn V.M. Integration mechanisms for immigrants in Norway and Russia: a comparative analysis. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 119–143. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.119

Integration mechanisms for immigrants in Norway and Russia: a comparative analysis

© Marina M. PANIKAR, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

E-mail: m.panikar@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Flera Kh. SOKOLOVA, Dr. Sci. (Hist.), Professor

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Alexander E. SHAPAROV, Dr. Sci. (Polit.), Professor

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Oleg V. ZOLOTAREV, Dr. Sci. (Hist.), Professor

E-mail: kimoopd@syktsu.ru

Syktyvkar State University named after P. Sorokin, Syktyvkar, Russia

© Vladimir M. KAPITSYN, Dr. Sci. (Polit.), Professor

E-mail: kapizin@yandex.ru

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Abstract. An essential component in the structure of the immigration policy of developed countries is the integration of migrants. The integration policy for migrants is aimed at solving the issues of adaptation, inculturation, labor mobility, naturalization, and political participation. Integration is a reciprocal process which involves the interaction of migrants and the host society. The integration policy goal is the formation of migrants' qualities and competencies that allow them to participate in the economic, social, political, and spiritual spheres of the recipient country. The failure of integration policies inevitably increases the conflict potential of the host society, leads to social exclusion, marginalization of migrants, and an increase in xenophobia. The article is devoted to the comparative analysis of the integration policy of the two Northern states — Norway and Russia. Norway has extensive experience in implementing the integration policy, occupies a leading position in the index of integration of migrants MIPEX. Russia has extensive experience in the incorporation of various ethnic groups into a national state, but the state has long ignored the solution of issues of integration and adaptation of migrants. The study aims to analyze national models and practices of integration and adaptation of migrants. The research methodology is linked to the methods of demography, sociology, political science, law, and statistics. For the comparative analysis of the immigration policies of Norway and Russia, a set of indicators reflecting the quality and status of the integration policy, MIPEX (labor market, family reunification, long-term stay, political participation, protection against discrimination, naturalization) was applied. It is concluded that the policy of integration in Russia should have different objects of regulation, be differentiated by goals and objectives.

Keywords: *immigration policy, integration of migrants, naturalization, Russia, Norway.*

Введение

Интеграция мигрантов в общество страны-реципиента выступает системообразующей основой иммиграционной политики. По нашему мнению, извлекать пользу от приёма иммигрантов способны лишь страны, обладающие работающими механизмами натурализации, аккультурации и адаптации мигрантов, обеспечивающие включение мигрантов в принимающее общество, не нарушая системообразующих основ его идентичности. Следует отметить, что процесс интеграции предполагает взаимодействие как минимум трёх сторон: принимающего общества, мигрантов и государства. Каждая из сторон внутренне дифференцирована, имеет как совпадающие, так и несовпадающие цели, вследствие чего процесс интеграции приобретает рискогенный характер и проблемные точки. В частности, мигранты являются выходцами из разных стран (имеющих общее историческое прошлое и не имеющих), они

подразделяются на временных и постоянных; на трудовых, по линии воссоединения семей, репатриантов и беженцев. Государство как главный актор иммиграционной политики включает политический уровень — национальный, региональный, а в случае Евросоюза и наднациональный, и неполитический — муниципальный. Принимающее общество составляют большие и малые социальные группы и институты — образовательные, религиозные, экономические, работодатели, диаспоры и т.д. Как вывод: политика интеграции мигрантов представляет собой многоуровневый процесс, должна иметь различные объекты регулирования, следовательно, и стратегии, быть дифференцирована по целям и задачам. Провалы политики интеграции неизбежно повышают конфликтогенный потенциал принимающего общества, ведут к социальной эксклюзии, маргинализации мигрантов, росту ксенофобии и эффекту разделённых сообществ.

Интерес исследователей к изучению механизмов интеграции и адаптации мигрантов активизировался в начале XXI в., когда большинство развитых государств столкнулось с провалом политики мультикультурализма, что было признано политическим истеблишментом Великобритании, Германии и Франции. К сложностям адаптации и интеграции мигрантов в развитых странах добавились проблемы утраты национальной идентичности. На сбой имплементации мультикультурных стратегий оказали влияние изменение этнической структуры миграционных потоков, а также секьюритизация миграции. Среди современных исследователей по проблемам интеграции мигрантов следует назвать С. Вертовека, С. Кастлза [1,], А. Фавелла [2], Г. Фримена [3], А.В. Дмитриева [4], В.С. Малахова [5], В.И. Мукомеля [6], И.С. Семенов [7], М.А. Питухину [8] и др. В отличие от населения, которое увязывает проблемы безопасности и иммиграции, исследователи иммиграционной политики указывают на детерминацию проблем безопасности общества и интеграции мигрантов. По мнению М. Розенблюма, просчёты и провалы политики интеграции мигрантов создают угрозы безопасности общества страны-реципиента [9, с. 29].

Исследователями отмечаются существенные различия в политике натурализации между государствами Старого и Нового Света. В послевоенную эпоху экономики развитых стран активно использовали рабочую силу мигрантов. Политика интеграции в США и европейских странах имела существенные различия. Главное отличие американской и европейской иммиграционных политик состояло в сфере натурализации [10]. В США каждый иммигрант рассматривался как потенциальный гражданин. Отсюда и американская стратегия на ассимиляцию мигрантов. Европейские страны поощряли преимущественно трудовую миграцию, затрудняя процедуры натурализации. К сожалению, трудности с получением гражданства для мигрантов из постсоветских государств, имеющих близкие культурно-исторические корни, в полной мере относятся к России. В.С. Малахов отмечает разрыв в стратегиях европейского и российского законодательства о гражданстве: тенденции к либерализации европейского и рестриктивная стратегия российского [11, с. 14]. Например, закон «О гражданстве Российской Федерации» (2002 г.) отменяет институт двойного гражданства

для лиц, вступающих в гражданство России. Кроме того, в законе отсутствует норма *jus soli* («права почвы» — право детей мигрантов на гражданство по достижении совершеннолетия).

Одной из тревожных современных тенденций стало формирование антииммиграционного блока в правительственных структурах развитых стран. По мнению американских учёных У. Корнелиуса, П. Мартина и Д. Холифилда, для противников иммиграции особо актуальны затруднение доступа незаконных иммигрантов к социальным услугам, финансируемым из бюджета, включающим образование и здравоохранение. Кроме того, противодействие программам социально-экономической и культурной интеграции мигрантов [12, с. 5].

Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Скандинавских странах, в частности в Норвегии является тематикой научного интереса и зарубежных исследователей. Так, работы Г. Брокманна и А. Хагелунда [13], а также Э. Упсаля, С. Согнера и К. Щелстадли [14] посвящены изучению исторического развития послевоенной иммиграционной политики в Норвегии, Швеции и Дании. Авторы исследуют, как государства всеобщего благосостояния с инклюзивными схемами социального обеспечения и развитым чувством эгалитаризма справляются с давлением иммиграции и растущим её разнообразием.

Значительный пласт исследований направлен на частные аспекты интеграции и социального самочувствия иммигрантов в Норвегии, позволяющие сделать вывод о том, каким образом индивидуальные, коллективные и институциональные ресурсы оказывают непосредственное влияние на процессы жизнедеятельности мигрантов Норвегии и динамику их социальной интеграции [15, Fladmoe A., Steen-Johnsen K.; 16, Friberg J.H., Midtboen A.H.; 17, Hardoy I., Mastekaasa A., Schone P.].

Норвежский опыт урегулирования межэтнических отношений и миграционной политики вызывает интерес отечественных учёных. В научной разработке Е.С. Котловой в исторической ретроспективе представлен анализ основных моделей этнополитики Норвегии [18, с. 21]. Механизмы социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в Норвегии и Дании представлены в статье Н.С. Чукаловой. Исследование, выполненное в сравнительном контексте, позволяет выявить страновые особенности политики интеграции иммигрантов [19, с. 33]. Продолжая начатую практику компаративистских исследований, авторы настоящей статьи ставят перед собой цель осуществления сравнительного анализа современной интеграционной политики Норвегии и России на основе сопоставимых индикаторов, принятых в международном сообществе.

Методологической основой исследования послужили структурно-функциональный, институциональный, исторический и системный подходы. Были использованы методы демографии, социологии, политологии, права и миграционной статистики. Сравнительный анализ интеграционных политик России и Норвегии осуществлён посредством методологии индекса MIPEX как совокупности индикаторов, отражающих качество и состояние иммиграционной политики государства.

Политика интеграции в структуре иммиграционной политики

Миграционная политика в современных условиях призвана решать задачи восполнения демографического и трудового потенциала страны, создавать условия для интеграции мигрантов в российское общество, перераспределения трудовых ресурсов. Т. Хаммар выделяет два компонента в структуре иммиграционной политики: политику иммиграционного контроля (правила и процедуры, осуществляющие селекцию и допуск иностранных граждан и лиц без гражданства); политику по приёму иммигрантов (обеспеченность работой, жильём, социальными благами, возможности получения образования) [20, с. 7]. Подход Т. Хаммара позволяет сегментировать иммиграционную политику по видам и формам политического регулирования. В.И. Мукомель рассматривает иммиграционную, интеграционную политики и политику натурализации как последовательные стадии процесса приёма, обустройства и трансформации мигранта в полноправного члена принимающего общества [21, с. 258].

Таким образом, в иммиграционной политике развитых стран содержатся два структурных компонента. Один включает меры по приёму мигрантов — характеристики, правила, процедуры, системы отбора, квоты. Второй компонент — политику интеграции и социализации. Это решение проблем, связанных с рынком труда, инкультурацией, воссоединения семей и т.д.

Интеграция представляет собой реципрокный процесс, который предполагает взаимодействие мигрантов и принимающего общества. Политика интеграции направлена на формирование у мигрантов качеств и компетенций, позволяющих им участвовать в экономической, социальной, политической и духовной сферах принимающего общества. Адаптация является составной частью процесса интеграции мигрантов и её необходимым условием. Под адаптацией понимается процесс первоначального приспособления мигрантов к нормам и практикам принимающего общества. Частью процесса адаптации выступает инкультурация — процесс усвоения иммигрантами культурных паттернов принимающего общества. В отличие от интеграции, процесс адаптации имеет однонаправленный характер и предполагает усилия со стороны самих мигрантов, в частности в сфере изучения языка новой страны, культуры поведения, коммуникативных табу. Результатом процесса интеграции мигрантов может быть полная интеграция (ассимиляция) и частичная, которая ограничивается лишь адаптацией мигрантов к новой культурной среде, при этом мигранты не становятся частью общества страны-реципиента.

В практике миграционной политики современных стран реализуются различные инструменты, направленные на адаптацию и интеграцию мигрантов. В.М. Капицын среди инструментов адаптации и интеграции мигрантов называет программы домиграционной подготовки в отправляющих странах, сети и ассоциации мигрантов, интеграционные программы, включающие индивидуальные интеграционные планы, интеграционные тесты, экзамены, индексы, присяги, муниципальных консультантов и межкультурных посредников [22, с.

164]. Эксперты отмечают, что вследствие слабости государственной политики интеграции мигрантов в России, функции по адаптации и интеграции мигрантов берут на себя институты гражданского общества, правозащитные организации, трудовые коллективы, объединения мигрантов, диаспоры¹. В результате миграция в Россию носит в значительной мере нелегальный характер. Прежде всего это касается временной трудовой миграции.

Конфликтогенный потенциал стран-реципиентов является неизбежным следствием социального исключения мигрантов. Нарастающие противоречия на рынках труда развитых стран, скрытые ограничители для социальной мобильности, давление на политический истеблишмент со стороны национального электората будут усиливать введение ограничений на использование труда мигрантов. Конфликты, детерминированные социально-экономическими факторами, будут проявляться в форме этнических, расовых и конфессиональных противоречий. Угроза углубления и расширения конфликтов между коренным населением и мигрантами, объективно будет усиливать рестриктивные тенденции в иммиграционной политике. Конфликтогенный потенциал уже используется для мобилизации своих сторонников праворадикальными партиями, особенно в странах Скандинавии. Если среднее значение электоральной поддержки праворадикальных партий в 2017 г. в Европе составило 12,8%, то для Скандинавских стран оно было значительно выше среднеевропейского уровня — 16,3% [23, Шапаров А.Е., Калачникова М.Ю., с. 74]. Праворадикальные партии стабильно избираются в национальные парламенты Скандинавских стран, занимая там лидирующие позиции: в Дании 2-е место, в Норвегии и Швеции — 3-е место среди парламентских партий. Иммиграция способна увеличивать конфликтный потенциал в странах приёма. Государство обязано предложить адекватную интеграционную стратегию, встроенную в комплекс основных государственных политик в социальной сфере: образовательную, национальную, региональную, культурную и др. Основная цель интеграционной составляющей государственной иммиграционной политики — обеспечение социального порядка, целостности и безопасности принимающего общества. Сложность достижения социетальной цели предопределяет комплексный многоуровневый характер иммиграционной политики в современных условиях.

Ниже будут рассмотрены примеры политики интеграции мигрантов Норвегии и России. В качестве инструмента сравнения нами был использован Индекс политики интеграции мигрантов (MIPEX), разработанный неправительственной испанской организацией «Центр международных отношений Барселоны» и Европейской группой по изучению миграционной политики. В настоящее время данный индекс рассчитывается в 28 странах Евросоюза, а также в ряде стран, не входящих в ЕС — Сербии, Норвегии, Швейцарии, Канаде, США, Австралии, Японии и Южной Корее. Проект MIPEX интенсивно реализовывался в период 2004–2015

---

¹ Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. Модели интеграции мигрантов в современной России CARIM-East RR 2013/12; Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. URL: http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-12_RU.pdf (дата обращения: 21.12.2018).

гг. За годы реализации проекта существенно расширились объекты исследования, и возросло количество индикаторов. В настоящее время работа над проектом продолжается. Индекс анализирует показатели интеграции в восьми социальных сферах: доступ к рынку труда (мобильность рынка труда, доступ к системе профессионального переобучения, права наёмных работников); воссоединение семей; образование (равенство возможностей, межкультурное образование; политическое участие; долгосрочное пребывание (доступность статуса, условия его получения); доступ к получению гражданства; доступ к услугам здравоохранения; защита от дискриминации (механизмы защиты от дискриминации, политика равенства). Общие критерии оценки политики стран в сфере интеграции мигрантов позволяют осуществлять компаративный анализ и определять лидеров и аутсайдеров среди стран по направлениям интеграционной политики. Проект осуществляется более десятилетия, что позволяет анализировать эволюцию интеграционной политики исследуемых стран.

Таблица 1

Миграционный профиль России и Норвегии 2000–2017 гг.²

Страна	Количество международных мигрантов (тыс. чел.)		Доля международных мигрантов в населении (%)		Доля женщин среди международных мигрантов (%)		Средний возраст международных мигрантов	
	2000	2017	2000	2017	2000	2017	2000	2017
Норвегия	292	799	6,5	15,1	50,5	47,8	34,9	36,3
Россия	11 900	11 652	8,1	8,1	49,7	50,9	44,5	44,5

Политика интеграции мигрантов в Норвегии

Одной из стран, привлекательных для мигрантов и достигших значительных успехов в области их интеграции, является Норвегия. Согласно международному индексу интеграции мигрантов (MIREX), страна в 2015 г. имела 69 баллов из 100 возможных, и, наряду с Финляндией, занимала четвёртое место в мире вслед за Швецией, Португалией и Новой Зеландией. Накопленный в данной области опыт, полагаем, может быть полезен для России, где политика социально-культурной адаптации мигрантов пока лишь ставится на повестку дня.

Норвегия — страна с быстрорастущим контингентом мигрантов. Только за период 2000–2017 гг. удельный вес мигрантов в структуре населения возрос почти в два раза: с 6,5% до 15,1% (таб. 1). В настоящее время здесь проживают выходцы из 220 стран, преимущественно из стран Европы (49%), Азии (32%) и Африки (9%). Основными причинами перемещения мигрантов являются работа, получение образования и воссоединение семьи. Так, согласно статистике Норвегии, за период 1990–2016 гг. 33% иммигрантов приехали по рабочей визе, 36% по праву воссоединения семьи и 10% с целью получения высшего образования

² International Migration Report 2017. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (дата обращения: 20.12.2018).

[24, Sandnes T., с. 38]. Значительную группу среди прибывших составляют вынужденные мигранты. Только за период 2015–2017 гг. Норвегия приняла около 23,8 тыс. беженцев и гуманитарных мигрантов, половина из которых пришла на пик европейского миграционного кризиса в 2016 г.³

Иммиграционная политика Норвегии прошла длительный путь и эволюционировала. Официально политика интеграции мигрантов стартовала в стране с принятием Закона об интеграции 2003 г., однако ряд норвежских исследователей утверждает, что Норвегия изначально придерживалась курса на интеграцию мигрантов, несмотря на то, что называла эту политику мультикультурализмом [25, Alghasi S., Hylland Eriksen T., Ghorashi H., с. 12]. Действительно, ассимиляционная модель этнополитики, которая реализовывалась в Норвегии до конца 1970-х гг., заложила фундамент современной интеграционной политики. Как отмечает Е.С. Котлова, с точки зрения норвежского государства, ассимиляция воспринималась как позитивное явление. В условиях создания и укрепления национального государства эта политика способствовала росту национального самосознания на основе норвежской культуры, которую после долгих лет жизни в униях с Данией и Швецией стране пришлось «изобретать заново» [18, с. 21].

Ещё в Белых книгах по миграции 1980 и 1996 гг. (Белая книга — проекты официальных документов правительственных структур, которые в виде информационно-аналитических докладов и отчётов в конкретных областях представляются в парламент Норвегии для последующего обсуждения и законотворчества), правительство высказало ряд предложений по интеграции мигрантов в принимающее общество. В Белой книге 1980 г. была актуализирована проблема изучения мигрантами норвежского языка для вовлечения их в социально-культурную жизнь страны-реципиента. В следующей Белой книге 1996 г. были прописаны обязательства иммигрантов участвовать в рынке труда в целях достижения финансовой независимости и равенства, что положило начало регулированию въезда в страну для всех категорий мигрантов [13].

Вопросы государственного регулирования миграционных процессов и создания целостной системы интеграции и адаптации мигрантов актуализировались на повестке дня в начале XXI в., так как в связи с вступлением Норвегии в Европейскую экономическую зону в 2004 г. в страну хлынул поток трудовых мигрантов из Польши и прибалтийских стран. Существенно возрос поток беженцев из горячих точек мира: Югославии, Боснии и Герцеговины, африканских и азиатских стран.

Современная норвежская политика интеграции мигрантов регулируется рядом законодательных актов. Ключевыми из них являются Закон об иммиграции (2008), Закон об адаптации мигрантов (2003), Закон об образовании (2012) и Закон о гражданстве (2005). За-

---

³ The Norwegian Directorate of Immigration (UDI). Asylum Decisions by the Norwegian Directorate of Immigration (First Instance) by Citizenship and Outcome, January — December 2017. URL: <https://www.udi.no/en/statistics-and-analysis/statistics/asylum-decisions-by-citizenship-and-outcome-2017/> (дата обращения: 19.12.2018).

кон об иммиграции иностранных граждан в королевство Норвегия от 2008 г. определяет правовой статус иммигранта и гарантирует ему равные права и обязанности. В нём обозначены условия и порядок въезда в страну трудовых мигрантов и беженцев, получения вида на жительство и норвежского гражданства (подданства)⁴. Закон о гражданстве 2005 г. закрепляет принцип получения гражданства иммигрантами и их детьми⁵. В законе закреплены основные условия для получения гражданства. В их числе: соблюдение условий временного проживания, отсутствие судимости и долговых обязательств, 7-летний срок постоянного и законного проживания на территории Норвегии, отказ от предыдущего гражданства. Согласно поправкам, внесённым в закон в сентябре 2008 г., от претендентов на получение гражданства теперь не требуется обязательное посещение курсов норвежского языка в объёме 300 часов, если они предоставляют свидетельство о знании языка страны. Дети до 18 лет становятся гражданами Норвегии только после натурализации их родителей, если они прожили в стране два года. Для детей лиц из Скандинавских стран, претендующих на гражданство Норвегии, это правило проживания не распространяется.

Согласно закону об интеграции мигрантов 2003 г., основной целью политики интеграции Норвегии является обеспечение базовых навыков норвежского языка, понимания особенностей норвежского общества и подготовка к полноценному участию в трудовой и общественной жизни страны⁶. На основе этого закона правительством была разработана программа интеграции иностранцев в норвежское общество. Программа прежде всего рассчитана на политических беженцев; лиц, получивших вид на жительство из гуманитарных соображений и членов их семей. Иммигранты обязаны посетить курс норвежского языка (250 часов) и обществоведения (50 часов). Участвовать в обучении можно только в течение первых 3-х лет проживания в Норвегии. Иммигранты в возрасте 56–67 лет обладают правом, но не обязаны проходить данный курс обучения. Важно, что участие в обучающей программе приравнивается к полной трудовой занятости. Подобного рода учебные программы создаются для каждого участника индивидуально с учётом его образовательных и профессиональных потребностей. Существует возможность приостановки участия в программе в связи с новыми обстоятельствами, например, поступившим предложением о приёме на работу. Возобновление участия в образовательной программе таких лиц не обязательно, если они документально подтвердят знание языка. Трудовые иммигранты не имеют права на бесплатное участие в программе, но они обязаны её пройти или подтвердить знания норвежского языка

⁴ Norway. The Immigration Act (2008) / No. 35 of 2008 / Ministry of Employment and Inclusion / International Labour Organization. URL: http://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&p_isn=88330 (дата обращения: 19.12.2018).

⁵ Norge. Ikraftsettelse av lov (2005) / LOV-1965-06-18-4. Statsborgerskap og statsborgerforskriften. 2005. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-06-10-51> (дата обращения: 19.12.2018).

⁶ Norway. The Act on an introduction programme and Norwegian language training for newly arrived immigrants - the Introduction Act (2003) [Electronic resource] / Amended by the Act of 11 March 2005 No. 13 (in force from 1 September 2005 pursuant to the Decree of 11 March 2005 No. 228, section number amended from section 22. Government.no. URL: <https://www.regjeringen.no/en/topics/immigration/innsikt/Verkemiddel-i-integreringsarbeidet/introduksjonsprogram/id2343472/> (дата обращения: 19.12.2018).

для получения ВНЖ или гражданства. Лица, которые находятся в Норвегии в соответствии с положениями о гражданах ЕС, не имеют права и не обязаны проходить бесплатное обучение норвежскому языку и обществоведению.

Закон об образовании 2012 г. определяет порядок, формы и методы работы образовательных учреждений с детьми мигрантов, которые в течение 2–3 лет обучения в школе должны освоить норвежский язык⁷. В законе предусмотрена профессиональная подготовка и переподготовка учителей в области поликультурного образования. Для учителей, участвующих в данных обучающих программах, приветствуется знание двух языков: норвежского и родного языка иммигранта. На сайте Национального центра мультикультурного обучения, который функционирует в университете Осло, созданы онлайн-ресурсы для учителей и родителей в области многокультурного образования. Центр также запустил веб-сайт, который содержит учебные ресурсы для школ и родителей на норвежском и 13 других языках, на которых говорят иммигранты. Каждый язык имеет свою собственную подстраницу, где набор предметов и информация отображается как на норвежском, так и на родном языке мигранта⁸.

Вышеперечисленные нормативные акты были составлены правительством Норвегии согласно международным соглашениям и договорам, в которых Норвегия принимает участие. Прежде всего это Шенгенское соглашение (2001), которое регулирует беспаспортный или выборочный контроль на границах государств внутри Шенгенской зоны. Дублинская Конвенция (2001), которая закрепляет ответственность за рассмотрением заявлений за той страной, куда изначально направлялся вынужденный мигрант искать убежище в рамках Женевской Конвенции ООН 1951 г., а также Соглашение о Европейской Экономической Зоне (2004), которое подразумевает «четыре свободы» — свободное движение товаров, капитала, услуг и людей в рамках Европейского единого рынка⁹.

В настоящее время миграционная политика Норвегии осуществляется на нескольких уровнях власти. Стратегические ориентиры и нормативно-правовую основу иммиграционной политики разрабатывает парламент Норвегии — Стортинг. Он также устанавливает квоты на приём беженцев, объёмы финансирования муниципалитетов, которые принимают и расселяют беженцев. Сфера ответственности за реализацию государственной иммиграционной политики на общенациональном уровне распределена между четырьмя министерствами: Министерством юстиции и общественного порядка, Министерством образования и науки, Министерством труда и социальных дел, Министерством по делам детей, молодёжи и се-

⁷ Norge. Lov om grunnskolen og den vidaregåande opplæringa (2012) (opplæringslova) / LOV-1998-07-17-61. Departement Kunnskapsdepartementet. 2012. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1998-07-17-61> (дата обращения: 19.12.2018).

⁸ Национальный центр мультикультурного обучения (NAFO). URL: <http://nafo.oslomet.no/> (дата обращения: 19.12.2018).

⁹ Agreement on the European Economic Area (1994) / Decision 94/1/EC, ECSC on the conclusion of the agreement on the European Economic Area. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Aem0024> (дата обращения: 19.12.2018).

мьи. Министерство юстиции и общественной безопасности в лице Департамента миграции отвечает за разработку и координацию законодательства и политики в отношении всех категорий иммигрантов, в том числе лиц, ищущих убежища, и беженцев, а также руководит работой Директората по иммиграции (UDI) и Иммиграционного апелляционного совета (UNE).

Директорат по иммиграции (UDI) является центральным агентством по управлению иммиграцией. В его задачи входит: рассмотрение заявлений на въезд, пребывание и работу в стране, заявлений о предоставлении убежища в Норвегии, управление центрами приёма беженцев и взаимодействие с властями на местном уровне по вопросам интеграции иммигрантов; вопросы предоставления гражданства Норвегии; реализация программ депортации мигрантов. В структуре директората по иммиграции функционируют специальные отделы, в том числе, отдел по работе с беженцами, отдел по работе с другими категориями мигрантов и их натурализации в стране. В реализации своих функций Директорат по иммиграции взаимодействует с: представительствами Норвегии за рубежом, которые вовлечены в процесс рассмотрения заявлений на получение въездных виз и разрешений на работу и пребывание; службой занятости в вопросах выдачи разрешений на трудоустройство; полицией, отвечающей за пограничный контроль и депортацию, а также выдачу временных разрешений на работу; муниципалитетами в реализации политики интеграции иммигрантов; Советом по рассмотрению апелляций иммигрантов, функцией которого является пересмотр решений директората по иммиграции; общественными организациями иммигрантов.

Ключевым органом, отвечающим за реализацию политики в области интеграции и адаптации мигрантов, является Министерство образования и науки. Директорат по интеграции и разнообразию (IMDi), находящийся в его ведении, несёт ответственность за разработку и реализацию адаптивных курсов для иммигрантов, обучение норвежскому языку, расширение знаний о стране, её истории, законодательстве, за повышение уровня их профессиональной компетентности, содействует диалогу и взаимопониманию между коренными жителями страны и иммигрантами, занимается работой по предотвращению фактов дискриминации. IMDi была создана в 2006 г. путём выделения из директората по иммиграции, чтобы выступать в качестве центра компетенции и движущей силы интеграции и разнообразия. Директорат по интеграции сотрудничает с муниципалитетами, правительственными учреждениями, иммигрантскими организациями и группами, частным сектором. IMDi также имеет в своём распоряжении ряд финансовых инструментов, таких как гранты муниципалитетам и добровольным организациям, работающим в целях содействия разнообразию и интеграции. Управление имеет филиалы в Нарвике, Тронхейме, Бергене, Кристиансанне, Йовике и Осло¹⁰.

Министерство труда и социальных дел несёт общую ответственность за политику в отношении трудовых мигрантов и содействует включению мигрантов в экономическую

---

¹⁰ Директорат по интеграции и разнообразию Норвегии. Официальный сайт. URL: <https://www.imdi.no/en/about-imdi/imdis-work> (дата обращения: 19.12.2018).

жизнь страны. В сфере его компетенции находятся и мигранты, которые подпадают под Соглашение о Европейской Экономической Зоне (2004)¹¹. В свою очередь департамент по делам детей, молодёжи и семейных дел Министерства по делам детей и равноправия помогает урегулировать вопросы детской миграции, в частности устройства лиц детского возраста, въехавших в страну без сопровождения взрослых¹².

Важная роль в осуществлении политики интеграции принадлежит муниципалитетам. В муниципалитетах мигранты живут, работают и формируют культурные связи с принимающим сообществом. Именно муниципалитеты принимают решения о численности иммигрантов, которых они могут принять, об их расселении, формах и методах работы по адаптации и интеграции, обучению детей мигрантов в школах, исходя из имеющихся возможностей. Главные задачи каждого муниципалитета: включение иммигрантов, особенно беженцев, в адаптивные программы (в течение 3 месяцев после получения вида на жительство), распространение информации об особенностях норвежской культуры и экономического устройства (например, информирование о налоговой системе) и обеспечение равными правами и возможностями наравне с жителями муниципалитета.

Муниципалитеты, исходя из специфики иммигрантских групп, страны их происхождения, обладают правом выбора собственных моделей реализации политики интеграции мигрантов в рамках общих положений. Они получают трансферты через систему распределения национального дохода. Средства распределяются между муниципалитетами с учётом ряда факторов. Среди них: количество мигрантов в муниципалитете, их соотношение по видам миграции, удельный вес беженцев. Осуществлением руководящих и надзорных задач в сфере интеграции занимаются уездные советники как представители правительств. Среди муниципалитетов Норвегии наибольшее число мигрантов сосредоточено в Осло, Суонси, Гамвике и Драммене, где их удельный вес среди населения достигает 30% [24, с. 33]. Очевидна тенденция оседания мигрантов в экономически развитых городах, где возможностей для трудоустройства больше.

В процесс реализации иммиграционной политики Норвегии включены институты гражданского общества и неправительственные организации. Существенную информационную и правовую поддержку в адаптации и интеграции наиболее уязвимых групп мигрантов оказывают Норвежская организация для лиц, ищущих убежища (НОАС), неправительственная организация «Джус Бус», созданная студентами юридического факультета университета Осло, Норвежское общество Красного креста [19, с. 33].

В целом политика интеграции мигрантов в Норвегии основывается на комплексном взаимодействии государственных органов разных уровней и общественных организаций, что является залогом её эффективности.

¹¹ Министерство труда и социальных дел Норвегии. Официальный сайт. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dep/asd/id165/> (дата обращения: 19.12.2018).

¹² Министерство по делам детей и равноправия Норвегии. Официальный сайт. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dep/bld/id298/> (дата обращения: 19.12.2018).

Увеличивающийся поток вынужденных мигрантов, интеграция и адаптация которых осуществляется за счёт государства, ложится тяжёлым бременем на бюджет страны. Согласно исследованию норвежской некоммерческой организации — фонда Службы прав человека (HRS), прямые расходы Министерства юстиции и общественной безопасности в 2017 г. составили 59,3 млрд норв. крон, из которых 23,5 млрд было использовано на иммиграционную политику. За период 2006-2017 гг. расходы Иммиграционного апелляционного совета увеличились в 2,8 раза — с 117 млн до 328 млн норв. крон; Директората по интеграции и разнообразию — в 3 раза, с 83 млн до 262 млн норв. крон. На обеспечение политики на уровне муниципалитетов было потрачено 12,1 млрд, из них 9,3 млрд — на уход за несовершеннолетними мигрантами, 1,7 млрд — на пособия, 427 млн было выделено специалистам здравоохранения (в том числе услуги стоматологов, работа которых обычно оплачивается за счёт клиента), 236 млн крон вложено в предоставление бесплатной юридической помощи, 193 млн крон — на преодоление детской бедности¹³. Для сравнения, расходы Министерства сельского хозяйства и калькуляции продуктов питания в 2017 г. составили 167 млн крон (0,005% от ВВП Норвегии), тогда как доля, потраченная на политику интеграции мигрантов — 0,6% от ВВП страны. Таким образом, королевство тратит значительные средства для достижения эффективной интеграции мигрантов в принимающее сообщество, что свидетельствует о значимости данного направления государственной деятельности.

Эффективность государственной политики Норвегии в области интеграции и адаптации иммигрантов высоко оценена на основе ключевых индикаторов Индекса интеграции мигрантов (MIPEX), согласно которым Норвегия занимает одно из лидирующих положений¹⁴.

Трудовая занятость и уровень доходов является показателем социально-экономической интеграции иммигрантов в принимающее сообщество. Согласно данным статистического управления Норвегии на начало 2018 г., уровень безработицы среди мигрантов составлял 6,1%, что на 0,8% ниже, чем в 2014 г.¹⁵ Это довольно высокий показатель, однако уровень безработицы среди мигрантов заметно выше, чем среди коренных жителей страны (1,8–1,9%)¹⁶. Трудовая занятость мигранта зависит от трудового опыта и наличия образования. Как правило, самый высокий уровень безработицы наблюдается среди беженцев из африканских стран, которые имеют более низкий уровень образования и профессиональной квалификации. Соответственно, они больше представлены в тех профессиях, которые не требуют образования. Показатели трудоустройства заметно выше среди мигрантов, прошедших курсы адаптации. Так, 70% мигрантов мужского пола смогли трудоустроиться в те-

¹³ Innvandring, integrering og statens utgifter / Human rights service. URL: <https://www.rights.no/2017/09/innvandring-integrering-og-statens-utgifter/> (дата обращения: 19.12.2018).

¹⁴ Migrant Integration Index. 2015. Norway. URL: <http://www.mipex.eu/norway> (дата обращения: 19.12.2018).

¹⁵ Registered unemployed among immigrants. Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/07115/tableViewLayout1/> (дата обращения: 19.12.2018).

¹⁶ Registered unemployed among non-immigrant population. Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/07115/tableViewLayout1/> (дата обращения: 19.12.2018).

чение года после окончания программы, среди женщин данный показатель ниже (50%, среднее значение — 61%)¹⁷.

Уровень доходов иммигрантов показывает положительную динамику. За период 2003–2017 гг. он вырос на 1,3%, но отстаёт от среднего значения по стране. Так, среднегодовой доход коренного жителя Норвегии в 2017 г. составлял 367,4 тыс. норвежских крон, тогда как у мигранта из ЕС / ЕЭЗ, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии — 299,1 тыс. норвежских крон. Иммигранты же из Африки, Азии, Латинской Америки, Европы (не входящей в ЕЭЗ), за исключением Австралии и Новой Зеландии, имели средний доход в размере 249,7 тыс. норв. крон¹⁸. Различия в доходах связаны со многими факторами: уровнем образования, профессиональной квалификацией, знанием национального языка и др.

Уровень политико-правового аспекта интеграции можно определить по количеству лиц, получивших гражданство, и по их участию в выборах. Всего за период 2008–2017 гг. гражданство Норвегии получило 136,7 тыс. мигрантов, то есть 17% от их общей численности. В 2017 г. процесс натурализации прошли 9,8 тыс. из 21,6 тыс. мигрантов¹⁹. Важным показателем интеграции мигрантов выступает их политическое участие. Так, в парламентских выборах 2017 г. приняли участие 55% иммигрантов, получивших норвежское подданство. Традиционно высок удельный вес участвующих в выборах среди выходцев из Европы. Однако электоральная активность коренных жителей на 23% выше, чем у иммигрантов. Участие местных жителей и мигрантов в муниципальных выборах существенно ниже и составляет соответственно 64% и 42%. Активная гражданская позиция более ярко выражена среди трудовых мигрантов [26, Dokka A.G., с. 147–148].

Все иммигранты Норвегии включены в процесс социально-культурной адаптации и проходят курсы изучения норвежского языка и культуры страны. Так, согласно данным национального агентства по политике в области компетенции (VOX), число успешно написанных тестов на знание норвежского языка за период 2006–2017 гг. увеличилось в 9 раз. Однако тесты на знание языка более успешно сдают лица, имеющие образование. Так, в 2017 г. успешно прошли тестирование на знание языка 55,9% мигрантов, имеющих среднее образование и лишь 1,1% — без образования²⁰.

Отметим, что в Норвегии не в полной мере обеспечено равенство мигрантов и их защита от дискриминации. Как было отмечено, данный показатель один из самых низких в Норвегии (59%).

¹⁷ Immigrant integration / Kompetanse Norge. URL: <https://www.kompetans norge.no/English/Immigrant-integration/> (дата обращения: 19.12.2018).

¹⁸ Stein L. Jorunn, F. Fattigdom og levekår i Norge Tilstand og utviklingstrekk — 2017 / NAV Rapport № 4-2017. 79 p. URL: [http://fayllar.org/fattigdom-og-levokr-i-norge-tilstand-og-utviklingstrekk — 2017.html](http://fayllar.org/fattigdom-og-levokr-i-norge-tilstand-og-utviklingstrekk—2017.html) (дата обращения: 25.12.2018).

¹⁹ Overgang til norsk statsborgerskap / Statistisk sentralbyrå, 2017. URL: <https://www.ssb.no/befolkning/statistikker/statsborger> (дата обращения: 19.12.2018).

²⁰ Educational level, sex and test result for persons who have taken the Norwegian language test for adult immigrants 2014 – 2017/ Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/11318/> (дата обращения: 19.12.2018).

Процесс интеграции — это улица с двусторонним движением, и эффективность этого процесса зависит не только от принимающего государства. Составной частью интеграции является адаптация самих мигрантов к новой социальной среде, то есть в какой мере они желают и способны принимать и уважать нормы, традиции и правила принимающего общества, сохраняя при этом собственную культурно-национальную идентичность. Представители индивидуалистических культур — выходцы из европейских стран, как правило, легко адаптируются к условиям жизни в Норвегии в связи с идентичностью базовых мировоззренческих ценностей и моделей поведения. Серьёзные трудности в процессе адаптации испытывают носители противоположных духовно-нравственных традиций, это, прежде всего, выходцы из стран Азии и Африки, для которых коллективизм и семейно-клановые отношения являются ключевыми принципами взаимодействия. Возникает стремление мигрантов из этих стран к сегрегации, самоизоляции от принимающего общества, объединение по этническому и религиозному принципам, что тормозит процессы адаптации. Официально декларируемая политика равенства культур порождает такие коллизии, как протесты против целого ряда традиций принимающей страны под предлогом оскорбления религиозных чувств иммигрантов (требование отмены рождественских ёлок, разрешение многожёнства и др.). Стимул к адаптации беженцев в общественную и экономическую жизнь общества нивелируется также значительными размерами социальных пособий, которые превышают базовые потребности мигрантов.

Все эти модели поведения инокультурных мигрантов не могут не вызывать законного возмущения со стороны принимающего общества. Как свидетельствуют опросы общественного мнения 2018 г., более 70% норвежцев в целом признают, что иммигранты полезны обществу с точки зрения вклада в развитие экономики и культурного обогащения страны. 57% опрошенных в целом не согласны с утверждением, что иммигранты являются источником неуверенности в обществе. По сравнению с 2009 г. этот показатель возрос на 5%, что свидетельствует о росте доверия к приезжим, но одновременно и проводимой государством интеграционной политики. В настоящее время 53% опрошенных поддерживает принятые государственные меры по отношению к иммигрантам. Лишь 29% высказались за усложнение политики по отношению к мигрантам, тогда как в 2009 г. этот показатель достигал 49%²¹.

В целом норвежская политика интеграции мигрантов отличается комплексным подходом и высокой степенью эффективности. Хотя в 2015 г. ряд показателей индекса интеграции заметно снизились по сравнению с 2007 г. Среди них: долгосрочность пребывания в стране и получение гражданства на 4 пункта, участие в политической жизни страны и возможность воссоединения с семьёй на 6 пунктов. По сравнению с 2010 г., уровень занятости мигрантов трудоспособного возраста снизился на 6 пунктов, до 56,5% и риск бедности уве-

---

²¹ Holdninger til innvandrere og innvandring. // Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/befolkning/statistikker/innvhold> (дата обращения: 20.12.2018).

личился на 49%²². Связано это с рядом факторов. В частности, иммиграционная система Норвегии не справлялась с большим наплывом беженцев в условиях европейского миграционного кризиса. Кроме того, были ужесточены правила въезда в страну, особенно по линии воссоединения семей. В соответствии с поправками в закон об иммиграции право на воссоединение с семьёй получали только супруги и их малолетние дети, а не родственники, как это было раньше. С 250 тыс. до 297 тыс. норв. крон была повышена планка минимального ежегодного дохода, который должен иметь член семьи, вызывающий в Норвегию своих близких. Одно из важнейших нововведений — установка минимального возраста в 24 года, с которого супруг или супруга мог приглашать в Норвегию своего партнёра. Официально требование было введено с целью предотвращения принудительных браков. Известно, что в ряде стран «третьего мира» родители «сговариваются», соединяя вместе малолетних жениха и невесту против их воли. Однако реально закон был направлен на ограничение въезда иностранцев в Норвегию. По статистике, наиболее мобильные иммигранты, в том числе семейные, это лица, не достигшие 24-летнего возраста. Законодательно был закреплён тест ДНК для супругов, не имеющих детей. Эта инициатива была принята после выборочного тестирования супругов из Сомали, среди которых превалирует данная позиция въезда в страну. Результаты показали, что 40% бездетных супругов не состояли в совместном браке, а являлись близкими родственниками. После обнародования итогов проверок на тест ДНК 25% заявлений на воссоединение семей, поступивших от выходцев из Сомали, Эритреи, Турции и ряда других стран, были добровольно отозваны²³.

Политика интеграции мигрантов в России

Россия обладает большим опытом инкорпорации различных этносов в состав национального государства. Чаще всего многочисленные народы становились частью единой страны вследствие территориальной экспансии русского этноса. Термин «колонизация», на наш взгляд, более точно раскрывает суть процессов инкорпорации многочисленных этносов, акцентируя внимание на целенаправленном характере воздействия на этот процесс со стороны государства в российских условиях. Как отмечают отечественные исследователи, интеграция в состав Русского государства финно-угорских и тюркских народов Европейского Севера, Поволжья, Урала и Сибири происходила как через их культурно-языковую ассимиляцию посредством обращения в православие, так и через гражданскую натурализацию с распространением на них всех прав и обязанностей русских подданных [27, с. 16]. Новый импульс и содержание политика колонизации получила в советский период, когда для осуществления индустриализации оказались востребованы рабочие, инженерные, научные и управленческие квалификации. Большое развитие получили практики привлечения трудовых ресурсов на Север, Сибирь, Дальний Восток, многочисленные окраины. Важный адми-

²² Migrant Integration Index. Norway. URL: <http://www.mipex.eu/norway> (дата обращения: 20.12.2018).

²³ Смирнов А. Посторонним въезд воспрещён / Новые известия. URL: <https://newizv.ru/news/world/18-03-2014/198751-postoronnim-vezd-vospreshen> (дата обращения: 04.03.2018).

нистративно-организационный ресурс политика колонизации получила в виде партийных и комсомольских органов. Хозяйственное освоение новых территорий происходило и посредством насильственных миграций.

После распада СССР долгое время интеграция мигрантов не артикулировалась в качестве задачи миграционной политики. Процессы адаптации и интеграции мигрантов осуществлялись в сфере гражданского общества через переселенческие и правозащитные организации. Интеграция мигрантов в российское общество была сформулирована относительно недавно, в 2012 г. в «Концепции государственной миграционной политики России на период до 2025 года», и то лишь в качестве задачи, а не цели миграционной политики. Однако утверждать, что государство устранилось от решения проблем инкорпорирования мигрантов в российское общество, было бы неверным. Ещё в феврале 1993 г. были приняты законы РФ «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах», направленные на регулирование вынужденной миграции, носящей лавинообразный характер после распада СССР. Важным для интеграции мигрантов инструментом миграционной политики должна была стать программа переселения соотечественников, принятая в 2006 г.²⁴ При переселении участник госпрограммы и члены его семьи получают гарантию и социальную поддержку, в частности, оплачивается стоимость переезда на постоянное место жительства, выдаётся единовременное пособие на обустройство. При введении программы анонсировалось, что за первые 3 года реализации программы в Россию прибудут около 300 тыс. чел. (в реальности, на начало 2010 г. прибыло около 17 тыс. чел.). В 2012 г. программа переселения соотечественников была утверждена в новой редакции, став бессрочной. Соотечественники получили свободу выбирать территорию вселения, не ориентируясь на вакансии работодателей; в территориях приоритетного расселения суммы подъёмных выплат были увеличены в 2 раза (с 120 тысяч до 240 тыс. руб.). Возросло количество регионов, участвующих в программе (на конец 2017 г. — 60 регионов РФ). Важно, что в новой редакции программы исчезло требование о наличии места работы, что расширило круг потенциальных участников. В то же время, законодателем было оставлено требование постоянной регистрации по месту жительства, что серьёзно осложняет процесс натурализации. По данным главы МВД России, приведённым в ноябре 2017 г., всего за прошедшие 10 лет в Россию вернулись почти 675 тыс. соотечественников.²⁵

По мнению экспертов, трудовые мигранты в России имеют минимальные гарантии в сфере социальной защиты: ратифицировав Европейскую социальную хартию²⁶, Россия взяла минимум обязательств по этому документу: трудящимся-мигрантам гарантируется лишь недискриминационный налоговый режим и возможность пересылки денег на родину [28, с.

²⁴ «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. №637 URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/8391252> (дата обращения: 20.12.2018).

²⁵ Информационная сводка ТАСС. 13.11.2017. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4723756> (дата обращения 24.12.2018).

²⁶ О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года. ФЗ РФ от 03.06.2009 г. № 101-ФЗ URL: <http://base.garant.ru/12167396/> (дата обращения: 24.12.2018).

18]. До 2012 г. с выплат в пользу иностранных граждан и лиц без гражданства страховые взносы уплачивались только в рамках обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Никаких других взносов с таких лиц уплачивать не следовало. В соответствии с изменениями, принятыми с 2012 г., к застрахованным в рамках обязательного пенсионного страхования лицам были отнесены временно пребывающие на территории России лица, заключившие трудовой договор на неопределённый срок, либо срочный трудовой договор на срок не менее 6 месяцев. Начиная с 2013 г. иностранные граждане, временно пребывающие на территорию России, считаются застрахованными лицами в рамках обязательного пенсионного страхования при условии, что они заключили трудовой договор на неопределённый срок, либо срочный трудовой договор (срочные трудовые договоры) продолжительностью не менее 6 месяцев, т.е. в общей сложности в течение календарного года²⁷. По мнению д.э.н. И.В. Ивахнюк, в России наблюдается упрощённое понимание интеграции и попытки возложить ответственность за интеграцию исключительно на мигрантов. С 2015 г. в России введён тест на знание русского языка, истории и основ законодательства РФ для иностранных граждан. Этот инструмент интеграционной политики обязателен для лиц, намеренных получить вид на жительство или гражданство. В то же время, в отношении временных трудовых мигрантов тест на знание языка способен провоцировать их уход в сферу нелегальной занятости, затрудняя процесс интеграции. Данная мера свидетельствует об упрощённом, одностороннем понимании сути интеграции, перекладывает ответственность за неё исключительно на мигрантов, недооценивает значение социальной защищённости мигрантов как условия их интеграции²⁸.

С государствами СНГ действует безвизовый режим, и их граждане могут работать в РФ по патенту. Важным этапом для миграционной политики России стало создание в 2014 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и, что важно, рабочей силы. С 2015 г., когда договор о создании ЕАЭС вступил в силу, граждане стран-участниц (Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Армения) получили ряд привилегий при поступлении на работу к российскому нанимателю. В частности, трудовым мигрантам — гражданам государств-членов Союза, покупать патент на работу в РФ не требуется, они приравнены в трудовых правах с гражданами РФ.

Осложнились по сравнению с началом 2000-х гг. возможности натурализации мигрантов. В 2009 г. в результате изменений, внесённых в «Закон о гражданстве РФ», отменивших возможность получения российского гражданства в упрощённом порядке иностранцам и лицам без гражданства, резко снизилось количество натурализовавшихся (с 394 тыс. чел. в

²⁷ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования» ФЗ РФ № 243-ФЗ от 3 декабря 2012 г. // Российская газета. 07.12. 2012 URL: <https://rg.ru/2012/12/07/oms-dok.html> (дата обращения: 22.12.2018).

²⁸ Ивахнюк И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года. Доклад РСМД. 2017, сентябрь. С. 9 URL: <http://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/> (дата обращения: 23.12.2018).

2009 г. до 111 тыс. чел. в 2010 г.) [29, Чудиновских О.С., с. 29]. Сложной и забюрократизированной остаётся система выдачи разрешения на временное проживание и вида на жительство. Российское законодательство ориентировано на привлечение и использование временных иностранных работников с непродолжительными (до 1 года) сроками трудовых контрактов.

Экспертами отмечается крайне низкое качество миграционной статистики в России. В частности, отсутствует информация о численности работающих иностранных граждан, о сферах приложения их труда, об их образовании и квалификационном уровне, о половозрастном составе, о сроках пребывания в России — как в целом по стране, так и на уровне регионов. Вызывает недоумение экспертов и принятое в 2011 г. решение об изменении критерия отнесения иностранных граждан, прибывающих в Россию, к постоянным / долговременным мигрантам с «12 месяцев и более» до «9 месяцев и более». В результате в категорию постоянных мигрантов, которая обычно трактуется в демографической статистике как источник изменения численности постоянного населения, попали многочисленные временные трудовые мигранты, что совершенно исказило картину постоянной миграции²⁹.

Сравнительный анализ политики интеграции Норвегии и России

Для нашего исследования важен факт сравнительной оценки интеграционной политики России в 2010 г., для которого использовались международные индикаторы индекса интеграции MIPEX³⁰. В качестве инструмента исследователями была использована анкета 2007 г. (эксперты В.И. Мукомель, А.Е. Шапаров, Ю.Ф. Флоринская, О.В. Попова). Анкета включала 6 индикаторов: доступ к рынку труда, воссоединение семей, долгосрочное пребывание, политическое участие, получение гражданства и защита от дискриминации. По заключению экспертов, по таким направлениям интеграции как доступ к рынку труда, долгосрочное пребывание и гражданство Россия почти не отличалась от большинства стран Европы. По таким показателям как политическое участие, защита от дискриминации и воссоединение семей у России наблюдалось отставание от большинства европейских стран. Согласно полученным результатам, оценка интеграционной политики России на тот момент составляла 50% соответствия идеальным европейским стандартам, и в рейтинге стран на тот момент Россия заняла бы 16-е место, оказавшись в середине списка (максимальный рейтинг в 2007 г. имела Швеция — 88%, минимальный — Латвия с 30%) [30, Мукомель В.И., с. 420].

В 2017 г. методики оценки MIPEX были вновь применены в отношении России. Работа координировалась Национальным исследовательским университетом Высшей школы экономики, а качество проверялось центральной исследовательской группой MPG

²⁹ Ивахнюк И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года. Доклад РСМД. 2017, сентябрь. С. 54 URL: <http://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/> (дата обращения: 23.12.2018).

³⁰ Прохорова А. Политика интеграции мигрантов в России: пример оценки с использованием индекса интеграции MIPEX // Демоскоп Weekly. 2011. № 479 - 480. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php> (дата обращения: 22.12.2018).

MIPEX. Данные по России основаны на ситуации по состоянию на 1 января 2015 г. и сопоставлены с данными MIPEX для 38 стран в веб-базе данных MIPEX. Сбор данных был проведён Международной лабораторией социокультурных исследований при Высшей школе экономики, руководитель В. Понизовский (среди экспертов В. Мукомель, В. Поставнин, О. Воробьева)³¹.

Таблица 2

Оценка политики интеграции мигрантов в ЕС, Норвегии и России по индикаторам MIPEX³²

Индикаторы	Евросоюз 2015	Норвегия 2007	Норвегия 2015	Россия 2007	Россия 2015
Доступ к рынку труда (Labour market mobility)	57	90	90	50	40
Воссоединение семей (Family reunion)	61	69	63	-	42
Образование (Education)	37	-	65	-	18
Политическое участие (Political participation)	40	88	82	25	9
Долгосрочное пребывание (Permanent residence)	61	74	70	66	33
Получение гражданства (Access to nationality)	47	52	52	57	40
Защита от дискриминации (Anti-discrimination)	63	59	59	35	20
Здравоохранение (Health)	42	-	67	-	18
Общая оценка	51	72	69	50	28

Эксперты отмечают, что Россия за период 2010–2017 гг. серьёзно ухудшила качество интеграционной политики по ряду ключевых показателей: доступу к рынку труда, гражданству и долговременному проживанию, что почти не компенсировалось прогрессом по другим направлениям. В настоящее время по общему количеству баллов ключевых индикаторов, оценивающих качество интеграционной политики, Россия (28 баллов) оказалась на одном из последних мест, уступив Латвии (31 балл) и опережая лишь Турцию (25 баллов).

До настоящего времени в России отсутствует антидискриминационное законодательство. Мигранты испытывают сложности с защитой своих прав; затруднён доступ мигрантов к органам правосудия. По заключению экспертов, как и в 2007 г., так и в настоящее время, интеграционная стратегия России может быть охарактеризована как «дифференцированная эксклюзия», основанная на чётком разграничении прав и возможностей временных мигрантов и граждан страны [31, Выхованец О.Д., Прохорова А.В. и др., с. 144]. В то время как в проводимой государством политике интеграции мигрантов зачастую основное внимание уделяется инкультурации мигрантов (изучению языка, адаптации к культурным нормам, знанию истории), по мнению исследователей, основополагающим аспектом инте-

³¹ Next MIPEX country: Russia. URL: <http://www.mipex.eu/next-mipex-country-russia> (дата обращения: 22.12.2018).

³² MIPEX-2015 <http://www.mipex.eu/next-mipex-country-russia> (дата обращения 22.12.2018); Демоскоп Weekly <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php> (дата обращения: 22.12.2018).

грации мигрантов выступает экономический. Верно и обратное, — дискриминация мигрантов на рынке труда, его условий и оплаты, большие сложности в отстаивании своих прав через органы правосудия, стигматизация трудовых мигрантов в СМИ и общественном мнении в значительной мере нивелируют усилия государства по социально-культурной адаптации мигрантов. Как вывод, экономическая интеграция мигрантов и усилия государства по защите от дискриминации мигрантов должны стать основой интеграционной политики России.

Заключение

Сформировавшийся в обеих рассматриваемых странах суммарный коэффициент рождаемости (на 2017 г. Норвегия — 1,85 и России — 1,61³³) предопределяет их зависимость от иммиграции как фактора сохранения простого воспроизводства населения (для сохранения численности населения на одном уровне СКР должен быть не менее 2,15). Обе страны являются притягательными для международных мигрантов, доля которых в структуре населения продолжит увеличиваться. Станет ли миграция фактором развития принимающего общества или источником конфликтов и угроз в сфере безопасности зависит от эффективности политики интеграции мигрантов, основным актором, которой выступает государство.

Проведённый анализ показал, что модель интеграции мигрантов в Норвегии не идеальна. В стране существуют сложности с получением гражданства и въездом в страну по причине воссоединения семьи. Не в полной мере обеспечена защита иммигрантов от дискриминации. Нуждается в совершенствовании система образования и здравоохранения мигрантов. Показатели качества интеграционной политики ухудшились на три пункта на период 2007–2015 гг. (табл. 2).

В целом в Норвегии выстроена многоуровневая и комплексная система интеграции мигрантов в принимающее общество, тогда как в России она находится лишь на стадии своего становления. Интеграционная политика Норвегии, отличающаяся гибкостью и мобильностью, в целом смогла выдержать натиск европейского миграционного кризиса и сохранить лидирующие позиции в мире. В России, согласно данным индекса интеграции мигрантов — MIREX за 2007–2015 гг., показатели качества интеграционной политики ухудшились вдвое (табл. 2). Причём ухудшение индикаторов интеграции мигрантов произошло по таким важным сферам, как доступ к рынку труда, гражданство, защита от дискриминации и долгосрочное проживание, и не компенсировалось прогрессом по другим направлениям.

Для повышения эффективности политики России в сфере интеграции мигрантов необходима концептуальная проработка иммиграционной политики, её нормативно-правовое и организационно-управленческое обеспечение с разделением сфер ответственности и полномочий, разработка механизмов её реализации. Внедрение антидискриминационных мер

---

³³ The World Factbook 2018. The total fertility rate. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2127.html> (дата обращения: 24.12.2018).

в сфере условий труда и его оплаты, обеспечение доступа к услугам здравоохранения, образования, сфере судопроизводства стоят в числе насущных задач государственной политики. Успешная интеграция мигрантов выступает необходимым условием роста экономики России и развития основных сфер жизнедеятельности российского общества.

Литература

1. Castles S., Korac M., Vasta E., Vertovec S. Integration: Mapping the Field // Home Office Online Report. 2005. Vol. 29. No. 3. Pp. 115–118.
2. Favell A. Integration Nations: The Nation-State And Research On Immigrants In Western Europe // The multicultural challenge. Comparative Social Research. 2003. Vol. 22. Pp. 13–42.
3. Freeman G. Immigrant Incorporation in Western Democracies // International Migration Review. 2004. No. 38. Pp. 945–969.
4. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности (методология и методы исследования) // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 49–55.
5. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики: монография. М: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с.
6. Мукомель В.И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69–79.
7. Семенов И.С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 10. С. 58–68.
8. Питухина М.А. Развивая основы мировой миграционной политики: вклад России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 12. С. 99–104.
9. Rosenblum M.R. Immigration and U.S. National Interests. Historical Cases and the Contemporary Debate. In: Immigration Policy and Security: U.S., European, and Commonwealth Perspectives / Eds. by T. Givens, G. Freeman, D. Leal. N.Y.: Routledge, 2009. 175 p.
10. Immigration, Integration, and Security: America and Europe in Comparative Perspective / Eds. by A. Chebel d'Appollonia, S. Reich. Pittsburgh: University of Pittsburg Press, 2008. 496 p.
11. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетр. М.: Спецкнига, 2014. 24 с.
12. Controlling immigration: a global perspective / Ed. by W. Cornelius, P. Martin, J. Hollifield. Stanford University Press, 2014. 510 p.
13. Brochmann G., Hagelund A. Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945–2010. Migration, Diasporas and Citizenship. London: Palgrave Macmillan, 2012. 275 p.
14. Opsahl E., Sogner S., Kjelstadli K. Norsk innvandringshistorie: I kongenes tid 900–1814 Norway, Oslo: Pax Forlag, 2003. 213 p.
15. Fladmoe A., Steen-Johnsen K. Is Ethnic Diversity Bad for Any Dimension of Social Capital? Trust, Networks and Voluntarism in Norwegian Communities // Scandinavian Political Studies. Vol. 41. No. 3. Pp. 336–366.
16. Friberg J.H., Midtboen A.H. Ethnicity as skill: immigrant employment hierarchies in Norwegian low-wage labour markets // Journal of ethnic and migration studies. Vol. 44. No. 9. Pp. 1463–1478.
17. Hardoy I., Mastekaasa A., Schone P. Immigrant concentration and student outcomes in upper secondary schools: Norwegian evidence // European societies. Vol. 20. No. 2, Pp. 301–321.
18. Котлова Е.С. Лавирование среди айсбергов: модели этнической политики Норвегии // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 17–32.
19. Чукалова Н.С. Механизмы социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в Норвегии и Дании в XXI в. // Вестник КРАГСиУ. Серия Теория и практика управления. 2017. № 19 (24). С. 25–40.
20. European immigration policy: A comparative study / Ed. by T. Hammar. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. 315 p.
21. Мукомель В.И. Миграционная политика России: постсоветские контексты: монография. М.: Диполь-Т, 2005. 351 с.

22. Капицын В.М. Регуляторы адаптации мигрантов (вопросы методологии и классификации) // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1 (14). С. 158–166.
23. Шапаров А.Е., Калачникова М.Ю. Иммиграционная повестка праворадикальных партий в Скандинавских странах // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Том 13. № 3. С. 73–84.
24. Sandnes T. Innvandrere i Norge 2017 / Statistisk sentralbyrå, Oslo: Kongsvinger, 2017. 193 p.
25. Alghasi S., Hylland Eriksen T., Ghorashi H. *Introduction, in Paradoxes of Cultural Recognition: Perspectives from Northern Europe* (Research in Migration and Ethnic Relations Series) / Ed. by S. Alghasi, T. Hylland Eriksen and H. Ghorashi. Hardcover, 2009. 318 p.
26. Dokka A.G. Valgdeltakelsen blant innvandrerne økte svakt // Statistisk sentralbyrå. 2017. 193 p.
27. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направление развития: аналитический доклад / Под ред. С.Н. Градиловского. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2005. 309 с.
28. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. М.: Спецкнига, 2013. 34 с.
29. Чудиновских О.С. Государственное регулирование приобретения гражданства Российской Федерации: политика и тенденции: монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 76 с.
30. Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / Под. ред. М.К. Горшкова; Институт социологии РАН. – Москва: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411–467.
31. Выхованец О.Д., Прохорова А.В., Савинкова Ю.К., Старчак М.В., Яценко Е.Б. Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России: монография. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2014. 144 с.

References

1. Castles S., Korac M., Vasta E., Vertovec S. Integration: Mapping the Field. *Home Office Online Report*, 2005, vol. 29, no. 3, pp. 115–118.
2. Favell A. Integration Nations: The Nation-State And Research On Immigrants In Western Europe. *The multicultural challenge. Comparative Social Research*, 2003, vol. 22, pp. 13–42.
3. Freeman G. Immigrant Incorporation in Western Democracies. *International Migration Review*, 2004, no. 38, pp. 945–969.
4. Dmitriev A.V., Pyadukhov G.A. Integratsiya trudovykh migrantov v megapolise: lokal'nye modeli, kontekst identichnosti (metodologiya i metody issledovaniya) [Integration of labor migrants in a megacity: local models, context of identity (methodology and research methods)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 5, pp. 49–55.
5. Malakhov V.S. *Integratsiya migrantov: Kontseptsii i praktiki*: monografiya [Migrant Integration: Concepts and Practices]. Moscow, "Liberal'naya Missiya" Publ., 2015, 272 p. (In Russ.)
6. Mukomel' V.I. Problemy integratsii vnutrirossiyskikh inoetnichnykh migrantov [Integration problems of internal ethnic migrant workers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2016, no 5, pp. 69–79.
7. Semenenko I.S. Integratsiya inokul'turnykh soobshchestv v razvitykh stranakh [Integration of cultural communities in developed countries], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2006, no. 10, pp. 58–68.
8. Pitukhina M.A. Razvivaya osnovy mirovoy migratsionnoy politiki: vklad Rossii [Developing International Migration Policy: Russia's Contribution], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2015, no. 12, pp. 99–104.
9. Rosenblum M.R. Immigration and U.S. National Interests. Historical Cases and the Contemporary Debate. In: *Immigration Policy and Security: U.S., European, and Commonwealth Perspectives*. Eds. by T. Givens, G. Freeman, D. Leal. N.Y.: Routledge Publ., 2009, 175 p.
10. *Immigration, Integration, and Security: America and Europe in Comparative Perspective*. Eds. by A. Chebel d'Appollonia, S. Reich. Pittsburgh: University of Pittsburg Press Publ., 2008, 496 p.

11. Malakhov V.S. *Integratsiya migrantov: evropeyskiy opyt i perspektivy Rossii* [Migrant Integration: European Experience and Prospects for Russia]: rabochaya tetr. Moscow, Spetskniga Publ., 2014, 24 p.
12. *Controlling immigration: a global perspective*. Ed. by W. Cornelius, P. Martin, J. Hollifield. Stanford University Press Publ., 2014, 510 p.
13. Brochmann G., Hagelund A. *Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945–2010. Migration, Diasporas and Citizenship*. London: Palgrave Macmillan Publ., 2012, 275 p.
14. Opsahl E., Sogner S., Kjelstadli K. *Norsk innvandringshistorie: I kongenes tid 900–1814*. Norway, Oslo: Pax Forlag, 2003, 213 p.
15. Fladmoe A., Steen-Johnsen K. Is Ethnic Diversity Bad for Any Dimension of Social Capital? Trust, Networks and Voluntarism in Norwegian Communities. *Scandinavian Political Studies*, vol. 41, no. 3, pp. 336–366.
16. Friberg J.H., Midtboen A.H. Ethnicity as skill: immigrant employment hierarchies in Norwegian low-wage labour markets. *Journal of ethnic and migration studies*, vol. 44, no. 9, pp. 1463–1478.
17. Hardoy I., Mastekaasa A., Schone P. Immigrant concentration and student outcomes in upper secondary schools: Norwegian evidence. *European societies*, vol. 20, no. 2, pp. 301–321.
18. Kotlova E.S. Lavirovanie sredi aysbergov: modeli etnicheskoy politiki Norvegii [Maneuvering between icebergs: ethnic policy models in Norway]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 21, pp. 17–32.
19. Chukalova N.S. Mekhanizmy sotsiokul'turnoy adaptatsii i integratsii migrantov v Norvegii i Danii v XXI v. [Mechanisms of socio-cultural adaptation and integration of immigrants in Norway and Denmark in the 21 century]. *Vestnik KRAGSiU. Seriya Teoriya i praktika upravleniya*, 2017, no. 19 (24), pp. 25–40.
20. *European immigration policy: A comparative study*. Ed. by T. Hammar. Cambridge: Cambridge Univ. Press Publ., 1985, 315 p.
21. Mukomel' V.I. *Migratsionnaya politika Rossii: postsovetskie konteksty: monografiya* [Russian Migration Policy: Post-Soviet Contexts]. Moscow, Dipol'-T Publ., 2005, 351 p. (In Russ.)
22. Kapitsyn V.M. Regulyatory adaptatsii migrantov (voprosy metodologii i klassifikatsii) [Regulators of Adaptation of Migrants (Issues of Methodology and Classification)], *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian journal of legal studies], 2018, no. 1 (14), pp. 158–166.
23. Shaparov A.E., Kalachnikova M.Yu. Immigratsionnaya povestka pravoradikal'nykh partiy v Skandinavskikh stranakh [Immigration agenda of right radical party in the Scandinavian countries]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2018, vol. 13, no. 3, pp. 73–84.
24. Sandnes T. *Innvandrere i Norge 2017*. Statistisk sentralbyrå, Oslo: Kongsvinger Publ., 2017, 193 p.
25. Alghasi S., Hylland Eriksen T., Ghorashi H. Introduction, in *Paradoxes of Cultural Recognition: Perspectives from Northern Europe (Research in Migration and Ethnic Relations Series)*. Ed. by S. Alghasi, T. Hylland Eriksen and H. Ghorashi. Hardcover Publ., 2009, 318 p.
26. Dokka A.G. *Valgdeltakelsen blant innvanderne økte svakt*. Statistisk sentralbyrå, 2017, 193 p.
27. *Politika immigratsii i naturalizatsii v Rossii: sostoyanie del i napravlenie razvitiya: analiticheskiy doklad* [The policy of immigration and naturalization in Russia: state of affairs and development management: an analytical document]. Ed. by S.N. Gradirovskiy. Moscow, «Nasledie Evrazii» Publ., 2005, 309 p. (In Russ.)
28. *Politika integratsii migrantov v Rossii: vyzovy, potentsial, riski* [Migrant integration policy in Russia: challenges, potential risks]. Moscow, Spetskniga Publ., 2013, 34 p. (In Russ.)
29. Chudinovskikh O.C. *Gosudarstvennoe regulirovanie priobreteniya grazhdanstva Rossiyskoy Federatsii: politika i tendentsii: monografiya* [State regulation of the acquisition of citizenship of the Russian Federation: policy and trends]. Moscow, HSE Publ., 2014, 76 p.
30. Mukomel' V.I. Adaptatsiya i integratsiya migrantov: metodologicheskie podkhody k otsenke rezul'tativnosti i rol' primamayushchego obshchestva [Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to assessing the effectiveness and role of the host society]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik*. Ed. by M.K. Gorshkov. The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Novyy khronograf Publ., 2016, no. 14, pp. 411–467.

31. Vykhovanets O.D., Prokhorova A.V., Savinkova Yu.K., Starchak M.V., Yatsenko E.B. *Transformatsiya identichnosti trudovykh migrantov kak odna iz sostavlyayushchikh stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: monografiya* [Transformation of the identity of migrant workers as one of the components of civil society in Russia], Moscow, Nasledie Evrazii Publ., 2014, 144 p.